

родный театр» (журнал «Жизнь», 1897, № 1). Подобного историко-бытового материала на страницах марксистской печати много. Для этнографов и фольклористов этот материал особенно ценен, потому что марксистская печать фиксировала внимание не на традиционных, в значительной мере уже ушедших в прошлое явлениях народной жизни, а на проявлениях нового и прежде всего на формировании революционного сознания. Основное место при этом отводилось различным группам рабочих, быт и культура которых этнографами в этот период почти не изучались.

К сожалению, глава эта написана очень кратко, обобщенно. В ней подчеркиваются принципиальные положения, с которыми большевики подходили к народной культуре и искусству, характеризуются теоретические споры о пролетарской культуре, большой же фактический материал, служивший основанием для важных выводов, дается сжато, суммарно, иногда только называется. Здесь автора лимитировал и объем книги, о чем он сам говорит. Так, отмечая систематическую публикацию в большевистских газетах и многих журналах сообщений о пении революционных песен, дающих возможность судить о степени их популярности и изменениях репертуара, он заявляет, что приводить все их «не представляется возможным, так как одна сводка их заняла бы слишком много места» (стр. 163). А ведь эти свидетельства, так же как и наблюдения над изменениями в быту и мировоззрении рабочих и крестьян, очень важны. И надо пожелать, чтобы В. Е. Гусев, проделавший колоссальную работу по просмотру почти всей дореволюционной марксистской печати и систематизировавший опубликованные в ней материалы, относящиеся к этнографии и фольклору, дал более развернутую их характеристику и сделал эти материалы достоянием ученых.

Излишняя краткость, особенно последней главы, — пожалуй, основной упрек, который хочется предъявить автору. Основные положения книги возражений не вызывают. Можно поспорить лишь по некоторым деталям и пожелать, чтобы отдельные утверждения были уточнены или развиты. Но все это частности. В целом же исследование В. Е. Гусева, взявшего на себя сложную, но очень благодарную задачу показать роль марксизма в дореволюционной русской этнографии и фольклористике, заслуживает весьма положительной оценки. Книга имеет большое значение не только для фольклористов и этнографов, но и для деятелей советского искусства. Сейчас, когда партия мобилизует работников искусства на создание произведений, достойных нашей эпохи, на борьбу с абстракционизмом и другими проявлениями буржуазной идеологии в искусстве, очень своевременно и важно напомнить о борьбе В. И. Ленина и большевистской дореволюционной печати за высокоидейное, подлинно народное искусство.

В. Соколова

Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. Издание подготовил В. Я. Пропп. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1961, 386 стр.

В 1941 г. в Ленинграде во время блокады погиб один из виднейших советских филологов А. И. Никифоров, вся деятельность которого, по словам его биографа В. Я. Проппа, «была пронизана глубоко продуманными и вместе с тем стремительными поисками новых путей»¹.

Научная деятельность А. И. Никифорова была весьма разносторонней: он занимался этнографией, литературой (в основном древнерусской), лингвистикой, палеографией, археологией, музееведением, педагогикой и — с особым увлечением — фольклором.

Фольклористические интересы А. И. Никифорова были сосредоточены главным образом на собирании и изучении народных сказок. Он подробно изучал бытование сказки, характер ее исполнения, ее функцию в крестьянском быту. Не меньше внимания он уделял и вопросам поэтики сказки. «Объединяя эти два аспекта, — пишет В. Я. Пропп, — А. И. Никифоров порывает с традицией узко филологического изучения, господствовавшего как в русской, так и в зарубежной науке. Этим А. И. Никифоров становится на принципиально новый путь изучения фольклора, продолжая некоторые из традиций революционно-демократической фольклористики»².

В 1926—1928 гг. А. И. Никифоров совершил три поездки на Север (в Заонежье, на Пинегу и на Мезень) для собирания севернорусских сказок. Им было записано около семисот сказок от двухсот одиннадцати рассказчиков.

Особенностью методики полевой работы Никифорова был принцип максимально полной, сплошной записи бытующих в том или другом районе сказок. Он придавал

¹ В. Я. Пропп, А. И. Никифоров и его «Севернорусские сказки». В кн. «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова», М.—Л., 1961, стр. 5.

² Там же, стр. 7—8.

большое значение самой методике собирания и публикации сказок, стремился не только фиксировать сказку, но и изучать ее во всем комплексе как факт социальной жизни и идейно-художественного творчества народа, показать ее «как явление всенародное по своему бытованию и обусловленное не только индивидуальной психологией исполнителя, но прежде всего причинами исторического и социального порядка»³.

При жизни А. И. Никифорову не удалось опубликовать своего огромного собрания сказок, рукопись которого составляет свыше ста авторских листов. Лишь теперь, двадцать с лишним лет спустя после смерти собирателя, увидела свет часть этого материала, заботливо подготовленная к печати другим крупнейшим сказковедом нашего времени — В. Я. Проппом и изданная Академией наук СССР в серии «Памятники русского фольклора». Нельзя не пожалеть, конечно, что это только часть собрания, так как самым фактом отбора текстов из всего записанного А. И. Никифоровым материала нарушается основной принцип его методики собирания и изучения фольклора.

Как это явствует из вступительной статьи составителя сборника, в книгу не вошли следующие материалы собрания: регистрационные записи, лишь кратко перечисляющие основные мотивы; конспективные записи, являющиеся изложением фабулы сказки; неоконченные и неполноценные в художественном отношении тексты; произведения, не относящиеся строго к жанру сказки, т. е. бывальщины, былички, легенды; наконец, сказки, неудобные для печати. При наличии нескольких вариантов одной и той же сказки в сборник включался наиболее художественный из них. Тексты в сборнике расположены соответственно маршруту экспедиции А. И. Никифорова. Так как настоящее издание предназначено не для лингвистов, а для фольклористов, литературоведов и широкого круга читателей, составителем законно произведена некоторая — очень незначительная и осторожная — языковая и текстологическая редакция текстов⁴.

Сборник содержит 131 сказку: 43 заонежских, 46 пинежских и 42 мезенских.

Предваряется сборник интересной статьей В. Я. Проппа об А. И. Никифорове, в которой дан очерк жизни и научной деятельности этого выдающегося советского фольклориста; особое внимание уделено его работе в области собирания и изучения сказки. «Оценивая наследие, оставленное А. И. Никифоровым, — пишет В. Я. Пропп, — необходимо учитывать, что работа велась в трудной и сложной обстановке, когда старое ломалось, а новое в фольклористике создавалось медленно. А. И. Никифоров смело боролся против вредных остатков формализма, миграционизма и других направлений, тормозивших развитие нашей науки, и страстно искал новых путей, опираясь на современную действительность и ее достижения в области социального строительства и выработки мировоззрения. Этому делу он хотел служить и служил ему средствами той науки, которой он владел как крупный специалист»⁵.

Трудно переоценить то значение, которое для науки о фольклоре, в частности для истории сказки, имеет публикация записей А. И. Никифорова, сделанных на Русском Севере в 1920-х гг., т. е. в то время, когда впервые после Великой Октябрьской социалистической революции по-новому зазвучала традиционная сказка, когда в нее, по наблюдениям А. И. Никифорова, уже проникали «мелочи нового быта»⁶, когда новые варианты сказок своеобразно отражали те сдвиги, которые происходили в социально-бытовой жизни и идеологии народа.

Благодаря тому, что в книге даны в приложении опись всего сказочного собрания А. И. Никифорова и указатель записанных им сказочных сюжетов, сделанный по системе Аарне — Андресена, можно судить о всем сказочном репертуаре, который зафиксировал собиратель, стремясь дать по возможности точную и объективную картину бытования сказки. Существенно, например, для изучения истории сказки соотношение в записях Никифорова отдельных видов сказки; преобладание в них волшебных сказок или повторяемость отдельных сюжетов (хотя бы то, что сказка о победителе змея записана им семнадцать раз, а сказка о трех царствах — двадцать один раз). Сборник, в котором отобраны лучшие тексты из материалов собирателя, конечно, дает несколько приукрашенное и не совсем точное представление о состоянии сказочной традиции в районах записи. Однако основные тенденции в развитии русской сказки в эти годы намечаются и здесь довольно отчетливо: так, бросается в глаза сравнительно большое количество, наряду с великолепными в художественном отношении сказками, явно деградирующих текстов, говорящих о разрушении жанра (№№ 12, 36 и многие другие); обращает на себя внимание проникновение в язык сказки таких черточек современности («милиция», «агент», «забрал сведения», «приехал с докладом» и т. д.), которые явно дисгармонируют с традиционным эпическим стилем; по-

³ В. Я. Пропп, Указ. раб., стр. 18.

⁴ О принципах редакции текстов см. там же, стр. 21—24.

⁵ Там же, стр. 24.

⁶ А. И. Никифоров, Сказка, ее бытование и носители. В кн. О. И. Капица, Русские народные сказки, М.—Л., 1930, стр. 54.

явление новых норм в оценке сказочных событий; ироническое отношение к царям, колебание — делать ли героем сказки царевича и т. д.

К сожалению, в сборнике даны очень скудные сведения о сказочниках: лишь о тринадцати из них сказано по несколько слов; что же касается остальных, то приведены только их фамилии, имена и отчества, возраст. Следует отметить наличие среди лиц, от которых проводилась запись, сравнительно большого числа детей — двадцать пять сказочников моложе 16 лет. Это свидетельствует о живучести сказочной традиции и вместе с тем, несомненно, во многом определяет характер текста.

Несмотря на то, что сборник увидел свет в менее полном составе, чем был в свое время задуман, все же исследователи поздних судеб традиционной русской сказки получили интересный, достоверный материал, мастерски записанный исключительно внимательным наблюдателем народного быта и творчества. Выход в свет безупречно подготовленной В. Я. Проппом книги «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова» — выдающееся явление в жизни современной мировой фольклористики. Книга эта — лучший памятник страстному собирателю и неутомимому исследователю севернорусской сказки, выдающемуся советскому фольклористу А. И. Никифорову.

Э. Померанцева

Н. П. Колпакова. *Русская народная бытовая песня*. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1962, 283 стр.

Русская народная песня на протяжении двух столетий привлекала внимание многих собирателей и исследователей. Изучалось содержание песен, их поэтика, и в этой области создан ряд интересных и ценных работ. Однако до сих пор нет исследований, где песня рассматривалась бы во всем ее многообразии и при этом определялась бы специфика каждого из ее видов.

Автор рецензируемой монографии поставил перед собой большую и сложную задачу — проанализировать разнообразный песенный материал и дать его классификацию в соответствии с четко установленными признаками. Всего использовано около 30 тысяч текстов — песенные сборники XVIII—XX вв., тексты, опубликованные в периодических изданиях, рукописные фонды Всесоюзного географического общества и Института русской литературы АН СССР, где хранится и ценная рукописная коллекция (3500 текстов) — плод многолетней собирательской работы самого исследователя. Устанавливая специфические черты народной русской песни, автор привлекает сравнительный материал украинского и белорусского фольклора.

В первой главе (стр. 11—30) автор критически пересматривает имеющиеся типы классификации песен (стр. 12—34) и устанавливает новый принцип деления на основе «устойчивых и непреходящих признаков жанра как эстетической категории». Каждый песенный жанр рассматривается как «исторически сложившийся тип художественной формы, обусловленной определенной общественной функцией данного вида искусств и соответствующим характером содержания» (стр. 25).

Исследователь выводит группы песен из этнографических комплексов (календарных, свадебных и др.), создавая другие, «искусствоведческие» (стр. 26). В соответствии с этим в бытовой песне выделяются четыре жанра: 1) заклинательные (куда включаются песни аграрно-календарные, некоторые свадебные, некоторые подблюдные), 2) игровые, 3) величальные, 4) лирические.

Главы 2—5 посвящены рассмотрению функций, тем, поэтических (композиционных, стилистических) и некоторых музыкальных особенностей каждого из указанных жанров.

Особенно значительной в теоретическом отношении, богатой по материалу и новаторской по его осмыслению является обширная (стр. 112—247) глава о лирических песнях, распадающаяся на четыре самостоятельных раздела. В ней рассматриваются «частые» и «протяжные» песни как особые подразделения жанра лирической песни. Протяжным уделено главное внимание. Вполне основательно автор делит их на песни «типа повествований» (стр. 145—175) и «типа раздумий» (стр. 175—182), отмечая своеобразие содержания, построения, стилистических особенностей каждого вида. Большой интерес представляет установление круга мотивов повествовательных песен, изучение сцепления образов, способов создания вариантов и контаминации сюжетов.

Очень свежи наблюдения над поэтикой лирической песни (IV раздел пятой главы, стр. 182—246). На большом материале автор показывает здесь роль пейзажа, отдельных образов природы и приемы их введения в песню, говорит о бытовых зарисовках, портрете и их художественной роли.

Тщательно разработан Н. П. Колпаковой вопрос о песенной символике. Плодотворность изучения песенной символики обусловлена новизной исходного положения,